

УДК 93/94

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.13>

Переселенческая политика местной администрации Северо-Западного края по отношению к польским мятежникам в 1863–1865 гг. как инструмент укрепления государственной и общественной безопасности Российской империи

С. В. Ананьев*

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируется один из аспектов правительственной политики в Северо-Западном крае по отношению к польским мятежникам в 1863–1865 гг. – переселенческая политика во внутренние губернии Российской империи, которая являлась составной частью мероприятий царского правительства по обеспечению общественной безопасности на западных окраинах государства. В работе были использованы документы из фондов Государственного архива РФ, а также ряд опубликованных материалов. Подчеркивается, что данные мероприятия осуществлялись в рамках решения царским правительством «польского вопроса» с характерной эволюцией от относительно либеральной политики к ультраконсервативной. Отмечается, что на перемену правительственного курса повлияли чрезвычайные условия, сложившиеся в крае к началу 1860-х гг., приведшие сначала к беспорядкам, а затем вылившиеся в вооруженное восстание 1863–1864 гг. Рассматривается немаловажная роль в формулировании проекта переселенческой политики генерал-губернатора Северо-Западного края генерала от инфантерии Михаила Николаевича Муравьева. Сделан вывод, что переселенческая политика по отношению к польским мятежникам в чрезвычайных условиях вооруженного восстания была оправдана и показала не только свою эффективность, но и изъязы в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: польский вопрос, мятежники, Польское восстание, Северо-Западный край, Западный комитет, переселенческая политика.

Для цитирования: Ананьев С. В. Переселенческая политика местной администрации Северо-Западного края по отношению к польским мятежникам в 1863–1865 гг. как инструмент укрепления государственной и общественной безопасности Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 49. С. 13–22. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.13>

Original article

The Resettlement Policy of the Local Administration of the North-Western Territory in Relation to the Polish Rebels in 1863–1865s as an Instrument for Strengthening the State and Public Security of the Russian Empire

© Ананьев С. В., 2024

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

S. V. Ananyev*

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. One of the aspects of government policy in the North-Western Territory in relation to the Polish rebels in 1863–1865 is analyzed – resettlement policy in the internal provinces of the Russian Empire, which was an integral part of the measures of the tsarist government to ensure public security in the western outskirts of the state. These events were carried out as part of the tsarist government's solution of the “Polish question” with a characteristic evolution from a relatively liberal policy to an ultra-conservative one. It is noted that the change in the government course was influenced by the emergency conditions that had developed in the region by the beginning of the 1860s, which led first to riots, and then resulted in an armed uprising of 1863–1864. An important role in the formulation of the draft resettlement policy was played by the Governor-General of the North-Western Territory, Infantry General Mikhail Nikolaevich Muravyov. The work used documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation, as well as a number of published materials. It was concluded that the resettlement policy towards the Polish rebels in emergency conditions of the armed uprising was justified and showed its effectiveness, but also showed its flaws in the medium term.

Keywords: Polish question, rebels, Polish uprising, North-Western region, Western committee, resettlement policy.

For citation: Ananyev S.V. The Resettlement Policy of the Local Administration of the North-Western Territory in Relation to the Polish Rebels in 1863–1865s as an Instrument for Strengthening the State and Public Security of the Russian Empire. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 49, pp. 13-22. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.13> (in Russian)

Введение

Начало либеральной эпохи императора Александра II отразилось и на правительственной политике на западных окраинах Российской империи – в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Не только в правительственных кругах, но и в русском обществе с середины 1850-х гг. начали доминировать убеждения о решении наболевшего к тому времени «польского вопроса». В 1856 г. в крае было отменено военное положение, дана амнистия участникам восстания 1830 г., а уже в следующем году в учебную программу был введен польский язык.

Начало политической «оттепели» в регионе связано с назначением В. И. Назимова виленским генерал-губернатором. Он пытался наладить сотрудничество с польским населением Северо-Западного края, идя на уступки и раздавая привилегии с целью умиротворения края. Согласно некоторым сведениям, даже семья самого генерал-губернатора приступила к изучению польского языка¹. В июне 1856 г., например, он ходатайствовал об облегчении положения 295 бывших участников Польского восстания 1830–1831 гг. Однако польское дворянство и шляхта требовали для себя еще больших послаблений (вплоть до восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г.) и льгот [5, с. 86].

Массовая демонстрация 13 февраля 1861 г. в Варшаве, состоявшаяся в память сражения при Грохове между польскими и правительственными войсками, положила начало «манифестационному периоду» (1861–1862 гг.) противостояния с местными властями «полякующего» в крае общества. Мани-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1267. Оп.1. Д. 11. Л. 34.

фестанты позволяли себе различные способы дискредитации русскоязычного населения края: оскорбления, плевки, побои и т. д. В демонстрациях участвовали ксендзы, протестующие пели религиозные и революционные гимны. Нерешительность властей способствовала большей эскалации – начался террор со стороны «жандармов-вешателей» и кинжальщиков в отношении русского населения края, а в январе 1863 г. вспыхнуло вооруженное восстание, печальным дебютом которого стала ночная резня русских солдат в казармах. Начались грабежи и насилие над русским населением края. Польский мятеж грозил России потерей западных губерний и новой войной против коалиции европейских государств [7].

Мятежники пытались придать своему восстанию общенациональное значение, вовлечь в него все проживающие в регионе сословия, рассчитывая на насильственное разрушение Российского государства путем организации социального взрыва и вторжения иностранных войск на его территорию [1, с. 122] по примеру Крымской войны 1853–1856 гг. Воссоздание Речи Посполитой, после разрушения России и гибели ее государственности, означало бы дальнейший геноцид русского населения и православной церкви. Таким образом, с началом Польского восстания сформировались основные источники угроз государственной и общественной безопасности Российской империи.

Принятие мер царским правительством и местной администрацией

В сложившихся условиях царское правительство вынуждено было переводить свою политику в Северо-Западном крае в более консервативное русло. 15 января 1863 г. было введено военное положение в пограничных с Царством Польским уездах западных губерний, а 4 февраля оно было распространено уже на все остальные уезды Виленской и Гродненской губерний, в марте и апреле – на отдельные уезды Минской и Витебской².

При этом нельзя сказать, что правительство встало на путь бескомпромиссных решений – оно предоставляло возможность участникам восстания сложить оружие и вернуться к мирной жизни. 31 марта (12 апреля) 1863 г. император Александр II подписал манифест «О Всемиловитившем даровании полного и совершенного прощения тем из вовлеченных в мятеж в Царстве Польском, которые не подлежат ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1(13) мая 1863 года»³. Однако объявленная повстанцам 31 марта всеобщая амнистия успеха не имела.

В сложившихся чрезвычайных условиях ради пользы дела, переступив через личные антипатии, царь назначает новым генерал-губернатором края М. Н. Муравьева, отличавшегося ультраконсервативными убеждениями и имевшего опыт управления губерниями Северо-Западного края с 1830-х гг.

М. Н. Муравьев был намерен действовать решительно и жестко. Поэтому многие чиновники той поры восприняли его назначение как переход к

² РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-18.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 2-е Собр. СПб., 1866. Т. 38. 1863. № 39 443. С. 290–291.

новой, более суровой, системе мер против мятежников. Действительно, Муравьев очень скоро начал выдавливать польский элемент из края. Одной из форм наказания восставших поляков стала политика Муравьева по выселению их во внутренние губернии Российской империи. Следует рассмотреть эти мероприятия и определить их особенности.

Именно М. Н. Муравьеву, который в 1830-е гг. находился в должности гродненского губернатора, принадлежали первые проекты перемещения польских подданных вглубь России. В период Польского восстания 1830–1831 гг. он «выявил» наиболее «взрывоопасный» элемент в польской среде – шляхту, которая имела высокую концентрацию среди населения края. Муравьев отмечал, что польская шляхта «всегда есть орудие и оплот мятежа, сословие тунеядцев, неоседлое и привыкшее к праздношатанию, по духу и характеру буйное... оно должно быть переселено» [10, с. 177–179]. Одним из наиболее радикальных и эффективных способов борьбы с мятежной шляхтой он считал «очищение» дворянского сословия от нежелательных элементов посредством выселения наиболее «буйных» его представителей в отдаленные районы страны.

С развитием протестного движения в западных регионах Российской империи в начале 1860-х гг. правительство возобновляет практику высылки «мятежных элементов» во внутренние губернии, причем начиная с 1862 г. уже не встречаются случаи их обратного возвращения из ссылок. Все чаще арестованные лица покидали территорию империи и бежали за границу. Для их поимки применялись старые приемы: публиковались в газетах их приметы, что, однако, не достигало цели.

После вооруженного подавления Польского восстания 1863 г. остро встал вопрос о выселении из Северо-Западного края лиц, принимавших в нем участие. Действительно, выселение повстанцев из края во внутренние районы империи было непростой задачей, так как до этого царским правительством не проводилось мероприятий подобного масштаба. Обсуждением данного вопроса (как и всей политики в крае) и принятием по нему решения занимался образованный в сентябре 1862 г. и просуществовавший до декабря 1865 г. Западный комитет, куда вошли ведущие сановники государства.

Разнородный состав польских мятежников 1863 г. (дворянство, шляхта, духовенство, крестьянство, ремесленники, низшие слои города, молодежь) способствовал пересмотру репрессивной программы генерал-губернатора края по их выселению. На взгляд администрации края, ужесточение мер было необходимым условием для «усмирения» мятежного населения. Муравьев говорил: «Знаю народ польский и уверен, что уступчивостью и послаблениями мы только ухудшим дело, а единственно мерами строгой справедливости и преследования крамолы мы можем восстановить спокойствие в крае»⁴.

Горячие споры в Западном комитете вызвали вопросы о выселении мятежников, местах их выселения, об условиях проживания в местах высылки. Следует отметить, что и в самом русском обществе по вопросу о принуди-

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 65. Л.8.

тельной русификации окраин также не было однозначного мнения. Наиболее острым стало обсуждение в Западном комитете географии польской ссылки.

Согласно высочайшему повелению 26 апреля 1863 г. выселенцам первоначально были определены губернии – Архангельская, Костромская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Тамбовская. Но уже в сентябре 1863 г. этот вопрос был пересмотрен. Одной из причин этого решения было слабое устройство полицейской части во внутренних губерниях империи.

В качестве альтернативы генерал-губернатор Муравьев предложил такие районы империи, как Печорский край, север европейской части России, Тобольскую, Томскую и Якутскую губернии. Он считал, что эти неблагоприятные для земледелия территории не могут стать помехой для высылаемых лиц, так как «эти люди не хлебопашцы, им не нужен плодородный грунт; они могут прожить свой век и в Якутской области, и в Туруханском крае, и в северных частях Томской губернии с небольшим пособием от казны, они не будут вредны для тамошнего населения»⁵.

Однако данный проект Муравьева встретил противодействие со стороны министра внутренних дел П. А. Валуева и шефа жандармов В. А. Долгорукого. Министр внутренних дел протестовал и против отправки поляков в Сибирь целыми семьями. Данная политика по выселению мятежников и членов их семей вызвала ряд вопросов: как поступить с их имуществом, как доставлять к месту ссылки, что делать с детьми высылаемых, как выдавать кормовые деньги и т. п.

П. А. Валуев определил политику Муравьева в крае как политику опустошения. Он писал, как будто противопоставляя свое милосердие жестокости администрации края: «Не говорю о безрассудности предприятия, мне нестерпимо то хладнокровие, с которым они тасуют людей, верования, правила, как карты, которые можно порвать и бросить под стол по произволу. Я бы и десяти собак не выгнал. Они думают выгнать 10 тысяч семейств. Можно убить бешеную собаку, но если не убивать, то следует признать небешеной и накормить» [2, с. 81].

Противоречия с этими сановниками наместник края пытался решить путем обсуждения возникающих проблем на заседаниях Западного комитета и в личной переписке с ними.

Высылку повстанцев во внутренние губернии наместник края считал вредной по возможным последствиям и был против ее проведения в больших масштабах, принимая некоторые меры по уменьшению числа высылаемых. По его мнению, высылаемые «даже с некоторым удовольствием отправятся во внутренние губернии России с надеждой и там принести вред империи»⁶. В связи с этим он предлагал высылаемых мятежников брать под строгий надзор и считал необходимым лишение выселенцев возможности сношения с населенными частями России⁷.

⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 48. Л. 13.

После обсуждения данных предложений (которые были в большинстве своем приняты) Западным комитетом было принято решение об отправке «главных преступников» на поселение в Якутскую область, Туруханский край, Архангельскую и Тобольскую губернии; остальные категории предлагалось поселить в Томской, Енисейской, Вологодской и Олонецкой губерниях. При этом выселенные во внутренние губернии повстанцы не подлежали возврату на свои места проживания⁸.

В связи с этим Муравьев писал: «Переселенцы скоро свыкнутся с краем, как свыкаются во всех других странах лица, высылаемые из оных в отдаленные пустыни за политические преступления. Здесь надо иметь, прежде всего, в виду Россию и ограждение ее от опасности заразы польской пропагандой; гуманность же может быть соблюдена и в Печерском, и в другом крае...» [10, с. 194–195].

Итак, высылаемые лица делились на три категории:

- 1) подлежащие высылке по постановлению военного суда в работы, на поселение и на жительство с лишением всех прав состояния;
- 2) высылаемые на основании постановлений военных судов в отдаленные губернии на жительство без лишения всех прав состояния;
- 3) высылаемые в административном порядке по распоряжению начальника края.

Кроме того, Муравьев предложил осужденных за восстание однодворцев, мещан и крестьян, после окончания срока их наказания в арестантских ротах, также выдворить на постоянное жительство в отдаленные губернии империи. Это предложение было одобрено Западным комитетом.

В первую очередь высылке подлежали представители привилегированных сословий (около 67 % всех высылаемых) [8, с. 25]. Высылались также и те дворяне, которые следствием формально не были изобличены, но и не было найдено уважительных доказательств к оправданию. На их имущество накладывался секвестр. Их имения поступали в ведение местной палаты Министрства государственных имуществ⁹.

Репрессиям подверглось и принимавшее участие в мятеже католическое духовенство. Так, например, виленский епископ А. Красинский был сослан в Вятку за то, что отказал Муравьеву в содействии по прекращению революционной пропаганды в костелах [9, с. 25–26; 4, с. 33–36]. К лету 1864 г. в ссылку отправились 177 ксендзов (где им назначалось ежегодное содержание по 150 руб.) [6, с. 622–623].

Кроме этого, из Северо-Западного края было выслано 4096 простолюдинов и 629 семейств околичной шляхты на казенные земли в пустынные места Томской губернии (всего в Сибирь было отправлено около 9000 чел.), 1500 чел. расселено по внутренним губерниям, еще 9000 чел. переданы под надзор полиции¹⁰. Всего через суды прошло более 15 тыс. человек. Из лиц, причастных к мятежу, было помиловано 9229 чел. Примечательно, что из

⁸ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

⁹ Там же. Д. 65. Л. 3–4, 14–16.

¹⁰ Там же. Д. 57. Л. 8.

Царства Польского и Северо-Западного края высылалось в среднем около 40 человек в день. Власть зачастую не видела возможности юридически доказать виновность осужденных, но этот факт не служил основанием для невысылки. Западный комитет впоследствии был вынужден признать, что число высылаемых достигло невиданных ранее размеров (к 1868 г. только с территории Северо-Западного и Юго-Западного краев было выслано уже около 17 500 чел.)¹¹.

Генерал-губернатор жесткие меры проводимой им политики оправдывал тем, что многие из сосланных за участие в мятежах 1830 и 1848 гг. в Сибирь мятежников были возвращены властями обратно. Впоследствии, уже в 1863 г., они приняли участие в новом восстании¹². Об этом наместник писал военному министру Д. А. Милютину: «Если их возвратить, они, без сомнения, возбудят вновь политические смуты, как это достаточно доказано на опыте. Прощенные и возвращенные в край политические преступники почти все принимали в 1863 году деятельное участие в мятеже, и даже многие были во главе онога»¹³. Муравьев, оправдывая излишнюю жестокость своей политики, отмечал, что в условиях Польского восстания 1863 г. гуманность и законность были бы неуместны, «ибо с законностью нас вынесли бы из края, как выносят сонных детей» [3, с. 504], так как «уроки эти, обходившиеся России так дорого, стоившие стольких жертв и столько русской крови, надо сделать, наконец, справедливое сознание – досель пропадали для нас даром, без всякой пользы, по нашей собственной же оплошности и снисходительной уступчивости»¹⁴.

Царское правительство в целом было солидарно с проектами и мерами Муравьева по отношению к мятежным полякам. Даже самый последовательный и непримиримый политический противник политики генерал-губернатора министр внутренних дел П. А. Валуев и тот был вынужден смириться с принятым курсом применительно к выселяемым польским мятежникам, написав своему политическому оппоненту: «Буду ожидать вашего указания насчет поселения высылаемой от вас сволочи...»¹⁵.

Польских переселенцев размещали, как правило, чересполосно с малороссийскими казаками. География переселения постепенно расширялась. Предполагалось, что во внутренних губерниях они обживутся и обрусееют, но произошло нечто противоположное. Польские переселенцы привнесли с собой польский дух и нравы, создавая своеобразные центры маленьких польских колоний и являясь в целом более образованными, нежели местные чиновники.

Сформированный правительственный курс применительно к проведению переселенческой политики в отношении участников польского мятежа 1863–1864 гг. вполне нашел широкое одобрение в российском обществе и у его представителей в публицистике, возмущенных жестокостью польских и

¹¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 104. Л. 93.

¹² ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 65. Л. 66 об.

¹³ Там же. Д. 57. Л. 8.

¹⁴ Там же. Д. 51. Л. 7.

¹⁵ Там же. Д. 83. Л. 13.

«полякующих» повстанцев. Предлагались различные проекты по дальнейшему «умиротворению» «польского элемента» с внесением поправок в переселенческую политику.

Внимания заслуживают предложенные в 1865 г. меры чиновника и публициста Ф. Савича по «умиротворению» поляков. Он предлагал пойти дальше, выселив польское население из Москвы и Петербурга частично в Польшу, частично в старообрядческие районы, частично в Прибалтику, где они будут ассимилированы немецким элементом. Чиновников-поляков он предлагал направлять под начальство к русским, и никак иначе. В армии – строго соблюдать процентную норму и запретить совместную военную службу офицеров и солдат католического вероисповедания. Данные предложения были выражены в виде поданной в правительство записки «Меры к отстранению вредного влияния поляков на русское общество».

Другой публицист, С. П. Сушков, предлагал сосредоточить все польское население империи сугубо в пределах Царства Польского, так как от «польского элемента» невозможно дожидаться появления верноподданнических чувств по отношению к царскому правительству. Он писал, констатируя: «Опыт у нас на глазах – громады поляков на службе гражданской, военной, ученой и так далее, вполне владеют русским языком и, однако ж, не стали от того русскими, а все-таки остались теми же поляками»¹⁶.

В высылке шляхты западных губерний известный мемуарист А. В. Никитенко видел «печальную необходимость», а граф Сумароков предлагал обойтись с поляками так же, как в свое время обошелся Наполеон с жителями Ниццы, не признавшими себя французами, – выселить в Польшу. Историк М. П. Погодин также рекомендовал выселить польских жителей на Кавказ и в Сибирь, а из состава Царства Польского вывести восточные части Люблинской и Августовской губерний в состав Северо-Западного края.

Репрессии по делу 1863 г. продолжались до 70-х гг. XIX в. Стоит заметить, что Западный комитет так и не смог стать объединяющим началом и выработать согласованный правительственный курс относительно проводимой в Северо-Западном крае политики. Начиная с периода управления краем генерал-губернатором А. Л. Потаповым (1868–1874 гг.) наметилось смягчение политики в отношении не только выселенных мятежников, но и польского населения края в принципе.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что к Польскому восстанию 1863–1864 гг. во многом привела именно излишне либеральная политика как царского правительства, так и местных властей, проводимая в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи. Амнистия участникам восстания 1830–1831 гг., «полонизация» в культурной и политической жизни региона, разрешение деятельности различных польских учреждений и другие уступки, нерешительность в целом со стороны властей демонстрировали их слабость перед руководителями польского мятежа и их спонсорами за

¹⁶ Славянское обозрение. 1892. № 7–8. С. 318.

рубежом в лице эмигрировавшей польской аристократии. Именно поэтому правительство в целях сохранения существовавшего государственного режима, а также государственной и общественной безопасности в регионе вынуждено было прибегнуть к репрессивным мерам в отношении польских мятежников, наиболее радикальной из которых стала переселенческая политика.

Перефразируя слова чиновника муравьевской администрации А. Н. Мосолова, следует констатировать, что история на тот момент времени распорядилась так (не без участия политической воли царского правительства и местных властей), что не «варвары» и «монголы» «убрались подальше на Восток», а носители идеи воссоздания Речи Посполитой.

Список литературы

1. Бендин А. Ю. Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа // Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : сб. науч. ст. 2020. С. 120–131.
2. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. Т. 2. 1865–1876 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 586 с.
3. Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 487–510.
4. Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898. 253 с.
5. Никотин И. А. Из записок Ивана Акимовича Никотина // Русская старина. 1902. № 1. С. 71–86.
6. Осужденные и наказанные за участие в смуте в 1863–1865 гг. Заметки к «Запискам графа М. Н. Муравьева» // Русская старина. 1883. № 3. С. 615–630.
7. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 357 с.
8. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск : Наука и техника, 1980. 224 с.
9. Черевин П. А. Воспоминания П. А. Черевина. 1863–1865. Кострома : Изд-во Костромского научного общества по изучению местного края, 1920. 76 с.
10. Четыре политические записки М. Н. Муравьева // Русский архив. 1885. № 5–6. С. 161–200.

References

1. Bendin A.Yu. Polskoe vosstanie 1863 goda i nationalno-patrioticheskoe probushdenie russkogo naroda [Polish uprising of 1863 and the national-patriotic awakening of the Russian people]. *Slovesno-istoricheskie nauchnye chteniya im. T.N. Shipkovi. Gumanitarnye nauki i otechestvennoe obrazovanie. Istoriya, preemstvennost i zennosti* [Verbal and historical scientific readings named after T.N. Shchipkova. Humanities and domestic education. History, continuity and values]. Collection of scientific articles, 2020, pp.120-131. (in Russian)
2. Valuev P.A. *Dnevnik Valueva ministra vnutrennich del. V 2 t. T. 2: 1865-1876* [Diary of P.A. Valuev Minister of the Interior. In 2 vols. Vol. 2: 1865–1876]. Moscow, Publishing House As USSR, 1961, 586 p. (in Russian)
3. Vsepoddanneychiy otchet grafa M.N. Murav'eva po upravleniyu Severo-Zapadnym kraem [The most comprehensive report of Count M.N. Muraviev on the management of the North-Western Territory]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1902, no. 6, pp.487-510. (in Russian)
4. Mosolov A.N. *Vilenskie ocherki. 1863-1865* [Vilensky essays 1863–1865]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1898, 253 p. (in Russian)
5. Nikotin I.A. Iz zapisok Ivana Akimivicha Nikotina [From the notes of Ivan Akimovich Nicotine]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1902, no. 1, pp. 71-86. (in Russian)
6. Osushdennye i nakazannye za uchastie v smute v 1863-1865. Zametki k "Zapiskam grafa M.N. Murav'eva" [Convicted and punished for participating in the turmoil in 1863-1865. Notes to

“Notes of Count M.N. Muraviev”]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1883, no. 3, pp. 615-630. (in Russian)

7. Revunenko V.G. *Polское восстание 1863 i evropeyskaya diplomatiya* [Polish Uprising of 1863 and European Diplomacy]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1957, 357 p. (in Russian)

8. Sambuk S.M. *Politika charisma v Belorussii vo vtoroy polovine 19 veka* [The policy of tsarism in Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk, Science and Technology Publ., 1980, 224 p. (in Russian)

9. Cherevin P.A. *Vospominaniya P. A.Cherevina. 1863–1865* [Memoirs by P. A. Cherevin. 1863-1865]. Kostroma, Publishing House of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory, 1920, 76 p. (in Russian)

10. Chetire politicheskie zapiski M. N. Murav'eva [Four political notes by M. N. Muraviev]. *Russkiy archiv* [Russian archive], 1885, no. 5-6. pp. 161-200. (in Russian)

Сведения об авторе

Ананьев Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент
Главный центр научных исследований
Федеральной службы войск
Россия, 111250, г. Москва,
ул. Красноказарменная, 9А
e-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru

Information about the author

Ananyev Sergey Valerievich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor
Main Center for Scientific Research
Federal Service of the Troops National Guard
of the Russian Federation
9A, Krasnokazarmennaya st., Moscow, 111250,
Russian Federation
e-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru

Статья поступила в редакцию **17.06.2023**; одобрена после рецензирования **10.09.2023**; принята к публикации **16.08.2024**
The article was submitted **June, 17, 2023**; approved after reviewing **September, 10, 2023**; accepted for publication **August, 16, 2024**